

Пролог

Окунули ее в жидкое пламя, залили в глотку три бады кипятка, чтобы внутренности спеклись. Акси́нья слышала, как молится женщина, как воет ветер за окном, как скребут ветки по крыше.

Не открывая глаза, она ощупала живот. Сколько дней лежит в бреду? Неведомо.

Живот оказался плоским. Тот, кто сидел в утробе ее, вышел наружу. Живой ли, мертвый ли, Акси́нья не знала. Огонь, горевший внутри, лишал сил и намекал, что сын не выжил. Она попыталась открыть глаза, но веки, словно сшитые чьей-то дерзкой рукой, отказывались свершить сие нехитрое действие.

Кто-то погладил ее запястье шершавой рукой, промычал что-то, и Акси́нья вспомнила Горбунью.

— С-с-сын, сын мой... Что с ним? — Она говорила и говорила, но никто не спешил отвечать. — Сын, сын, сын, сын!

Тело предавало ее, рука только мелко дрожала под ласковыми поглаживаниями повитухи. Акси́нья знала, что не вынесет и мига страшной неопределенности. Увидеть тельце, рыдать, просить о милости...

— Акси́нья, тебе лучше? — Она узнала голос Анны Рыжей и попыталась повторить завязшее в зубах слово. — Ты чего шепчешь-то? Не пойму я.

Аксинья все растягивала губы: «Сын». Трясущимися руками она провела по векам — не сшиты ли? Нет, значит, можно разлепить.

Она с трудом открыла глаза. Сразу ударило по зрачкам пламя свечей. Горбунья сидела возле ложа, Рыжая Анна держала миску в руках, что-то жидкое плеснулось на половицы. Она подняла на Аксинью тревожный взгляд, повернулась к Горбунье, а та только крутила длинным носом из стороны в сторону.

Издеваются, что ль? Аксинья хотела поколотить всех. За глупость, непонятливость, за то, что погубили ее дитя. Если бы она могла сама... Гнев придал ей сил, и Аксинья попыталась встать, да только тело противилось.

ГЛАВА 1

СЕМЬЯ

1. Возвращение волка

Шла вторая неделя Поста, вечер обитатели дома проводили в тихих разговорах.

— Когда уж вернутся они? Истосковалась я по голубю своему ненаглядному. — Молодуха с ладным, чуть оплывшим лицом переплетала нитки на ткацком стане. Тонкие проворные пальцы выполняли непростую работу играючи, бело-коричневая пестрядь¹ рождалась на глазах.

— Настанет срок — приедут, — с показным равнодушием отвечала ей вторая, занятая вышивкой.

Она переступила порог четвертого десятка, но морщины почти не коснулись гладкого, чуть смугловатого лица. Темные, вытянутые к вискам глаза, смоляные брови и ресницы выдавали толику инородческой крови. Волосы прятались под светлым убрусом, что плотно обхватывал голову, но всякий бился бы об заклад, что косы ее темны, словно грива вороного коня.

— Аксинья, ты не меньше моего ждешь. Только изображаешь равнодушную да спокойную. — Молодуха выпустила из рук нити, резко встала, охнула и схватилась за поясницу.

---

¹ Пестрядь — грубая льняная ткань из разноцветных ниток.

— Ты, Лукаша, не гневайся. Дитю покой в утробе нужен. А что ж до меня... Боюсь: Хозяин вернется — и вновь покоя не будет.

— Слышала я все... Все! Как вы там... — Лукаша подошла к большому бронзовому шандалу¹, поправила свечку, что зависла в печальном поклоне.

— Мне смущаться уж нечего. Сама знаешь — и в кипяток ныряла, и по ледяному полю ходила. — Аксинья смотрела на молодуху словно на малое, неразумное дитя. — А с грехами мне самой жить — Бога гневить.

— Да ты прости, подруженька. Вырвалось лишнее слово сгоряча.

— Подслушивала-то зачем?

Лукаша поймала ее чуть насмешливый взгляд. Руки Аксиньи не прерывали ни на минуту работы, нить выходила ровной, гладкой, словно волосы той, что не приносила еще дитя.

— Проснулась да пошла до нужника. Случайно там оказалась. — Краска залила ее милое лицо. Лукаша еще не научилась усмирять предательский румянец.

Аксинья давно, от матери, слыхала, что молодость уходит вместе с умением мучительно, резко краснеть. Научись врать — постареешь.

— Скажу, ежели знать хочешь... Только за дверцей глянь — нет ли Нютки моей? Ей, ребенку, слышать срамные слова не надобно.

Лукаша послушно выглянула из светелки, поправила лазоревый убрus, обошла вокруг Аксиньи, словно хоро-вод вокруг весенней березки водила.

— Ты с ним, со Степаном, жить как жена будешь?

— А это как он велит. Хоть как жена, хоть как служанка последняя, в хлеву выгребать загаженную соло-

---

¹ Ш а н д а л — массивный подсвечник.

му. Подневольная я. — Акси́нья наконец отвела глаза от Лукаши. И самой себе не призналась бы, что разговор для нее тягостен.

Как дать разумный, спокойный ответ на те вопросы, что терзают денно и ночью?

— По сердцу он тебе иль нет? Гляжу и понять не могу. Зубами щелкаешь, как волчица, от одного имени кривишься, а там... — Лукаша оборвала себя на полуслове.

Акси́нья представила, как молодая женщина прижималась к шершавой бревенчатой стенке, слушала, замерев, и закрывала рот ладошкой, чтобы не вырвался вскрик негодования или изумления. Вернулась под бок к мужу, прильнула теплым, зовущим телом к его спине, гладила жадными ладонями, ощущая непонятную жажду, а потом со вздохом отодвигалась — запрет пастырей строг¹.

— Бывают чувства ровные, ясные, точно погожий летний день. Так у тебя с мужем. Степан и я — буря и деревья, что клонятся к земле. Гляжу на него, поднимается что-то к горлу. Плакать тянет, и кричать, и смеяться — все сразу. — Акси́нья, обычно сдержанная, серьезная, чувствовала, что слова рвутся из нее, текут полноводной рекой.

Люб не люб, она и сама не могла сказать, что кипело в котле ее души. Ярость, обида, воспоминания о предательстве: кто оставил ее, беззащитную, с ребенком и не удосужился появиться ни разу за долгие восемь лет? Жгучая благодарность за помощь, за мешки с зерном... Желание прижаться крепко-накрепко, превратить наглую усмешку во взгляд, полный восхи-

---

¹ Сексуальные отношения во время Великого поста были запрещены, даже если речь шла о супругах.

щения. Все, что бурлило в ней сейчас, требовало выхода.

— Потехе дурно стало! Мамушка! — белым вихрем ворвалась в светлицу синеглазка лет десяти. По взволнованному голосу ее Аксинья и Лукаша поняли: дело серьезно.

Девчушка припустила вниз по лестнице. Резные перила, невысокие ступени были удобны для маленьких женских ног. Аксинья, подобрав подол домашней рубахи, побежала вслед за ней, словно не давили три прожитых десятилетия.

— Да куда же вы? — Лукаша медленно спускалась, держась правой рукой за перила, левой окутывая живот, защищая его.

В переплетении сеней, жилых и нежилых клеток прятался небольшой закуток, где обитал Потеха. Стены, увешанные пучками трав, ветками малины и смородины. На лавках — корзины с шиповником и вяленой рябиной. Живой дух пижмы и тысячелистника витал здесь, словно на луговой окаемке леса.

— Потеха, ты чего ж удумал? — Аксинья с тревогой вглядывалась в небольшого человечка, который скрючился на лавке под рваным одеялом.

— Помирать пора, Окшущенька, — неразборчиво пробормотал он и обхватил узкую ладонь женщины непомерно крупной рукой, что, казалось, принадлежала более молодому и сильному мужчине.

— Да куда ж тебе помирать? Что стряслось, Потеха?

— Шел, шел да упал, полешки по кухне рассыпал. Мамушка, помоги Потехе. Как без него? — Девчушка схватила со стены зеленый пучок, трясла им, словно мать не видела травяного изобилия.

— Нюта, угомонись. Мне с хворым поговорить надоно... Ромашку оставь в покое и верни на крюк.

Аксинья подвинулась к старику поближе, так, что тепло ее крепкого тела перетекало в его изнуренную плоть.

— Пора мне отдохнуть, девонька. Да и на кой нужен я, штарый пень? — Потеха обращался к ней словно к бо-соной хохотушке.

— Как мы без тебя? Нютка следом за тобой ходит, слово ловит. А Хозяин... — Она долго увещевала Потеху, заваривала травы, вливала их в ставший покорным и жадным рот, терла шерстяной рукавицей руки и ноги, просила помощи у матери-природы.

Потеха стал для Нютки дедом, которого не успела она узнать, старшим добрым другом для Аксиньи и Лукаши, а уж с Хозяином дома, Степаном Строгановым, старика связывало что-то особое, сокровенное, уходящее в такую глуть, какой Аксинье никогда не узнать.

* * *

— Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: родителей моих, сродников, благодетелей Василия, Анны, Федора, Матвея... — Аксинья шептала слова молитвы, перед взором ее проходили те, о чьем упокоении она просила.

Отец — умелый гончар и видный мужчина, крепкий, разумный, и невзгоды не смогли согнуть его спину. Мать — воплощение доброты и благости. Брат — несчастный Феденька, который любил и защищал младшую сестру, грешницу. Матвейка... Здесь по лицу Аксиньи лились бесконечные слезы, сердце, должное просветлеть, преисполниться благости, сжималось от бесконечной вины.

— И за Степана Строганова, благодетеля моего, прошу, — шептала она на исходе молитвы и сил, когда све-

ча догорала и мрак клубился за окном словно черный кот.

Дочку давно сморила шелковая ночь, она, укутавшись пуховым одеялом, видела третий сон. Аксинья, терзаемая муками совести, все не спала. Суббота четвертой седмицы Великого поста истончалась, уходила в прошлое вместе с молитвами и страхами.

* * *

Ручей бежал, позвякивая серебряными колокольчиками, окатывал ледяной водицей поваленный ствол вековой сосны. Аксинья в одной рубаше сидела на том дереве, опустив пятки в ручей. Солнце пригревало ее темную непокрытую голову, уши ловили жужжание пчел, и жизнь казалась легкой и благодатной. Она закрыла глаза, уйдя в негу и...

Обнаженных ног коснулось что-то теплое, мягкое, пощекотало колени. Она, не открывая сонные глаза, протянула руку, коснулась густой шерсти и, ни капли не убоившись, впиалась ласковыми перстами в лохматый бок, зверь отвечал ей довольными звуками. Перекатывались мощные мышцы, волк, чуть повозившись, привалился к ее ноге, обдав шерстяным жаром.

— Устал с дороги? — спросила Аксинья, продолжая гладить зверя.

Тот не отвечал, лишь рыкнул что-то неясное, не гневливое — скорей усталое.

— Как жить мне теперь? — Она открыла глаза, чтобы взглянуть в существо, что застыло покорной глыбой у ног.

Светлая шерсть с бурыми подпалинами на спине и боках, мощная грудь, заостренная морда с черным, влажно поблескивающим носом, прикрытые пушисты-

ми веками глаза. То ли дикий волк, то ли мирный пес, то ли...

— Степан? — спросила она.

Волк насторожил уши, открыл очи — темно-синие, злые, — поглядел так, словно сказала она что-то непотребное, гадкое, обидное.

— Да что ж ты со мною так? По сердцу ты мне, да не ланью хочу быть — волчицей твоей... — Волк не дал договорить. Он вцепился острыми зубами в ее ногу, и раздирал плоть, и клыки окрасились кровью. А крик так и не сорвался с губ Аксины.

Скоро настало утро, петухи заголосили, окаянные птицы, выдернули из ночной неги и ночных страхов. Строганов, синеглазый волк, ночевал в ее снах.

* * *

Постная трапеза собрала всю семью за длинным столом.

Да, они могли считать себя семьей. Лукерья с дитем Пантелеймона Голубы в утробе, счастливая жена и хозяйка. Аксиныя, оставшаяся в доме — то ли наложницей, то ли служанкой; довольная Нюта, дочь Степана Строганова; Потеха, старый слуга, еще не оправившийся от недуга.

— Ты, Аксиныя, — хитрая душа, — шурился Потеха на знахарку. — Лиша, да не рыжая, а чернобурая. — Он звучно хлебал грибные щи, постукивал ложкой по дну миски.

— И в чем моя хитрость? — Аксиныя, раскладывавшая да перекладываявшая воспоминания о ночном звере, против воли улыбнулась.

— Взяла да поштавила на ноги штарика. Мне ужю в могилу пора. Нешпроста, ой нешпроста, — шепелявил старик.

— Дед, как не знать! Радеет о тебе, мамушка, — повернула Нютка и, поймав строгий взгляд родительницы, поперхнулась.

Сколь ни вбивала Акси́нья в пустую дочкину голову правила да поучения — все без толку. «Не перебивай старших. Веди себя скромно. В церкви не разглядывай людей, молчи во время службы», — словесные ручьи текли мимо синеглазой Нютки.

— Ради Штепана штаралашь-то, ради него, ненаглядного. Вижу, ждешь его, дожждаться не можешь. Рашкажу Штепану, как исцелила ты меня, похвалю. Да рашшкажу о... — Потеха отложил ложку и уставился на Акси́нью. Темное его лицо в глубоких прожилках морщин, с клочковатой седой бородой, являло собой воплощение лукавства.

— Одолели вы все меня! Мочи нет! Каждый норовит сказать. — Акси́нья с грохотом отодвинула лавку, Потеха качнулся, но улыбки с лица не убрал. — Наелась досыта.

— Ты, девонька, не кричи...

— Какая тебе я девонька! Года мои велики, а ум мал. — Акси́нья взяла свою миску и потянула к себе посудину Потехи.

— А ты заberi. — Старик не отдавал миску и улыбался беззубым ртом, и тут же гнев Акси́нии спрятался под рукав. Как можно злиться на седого шалуна?

Лукаша, Акси́нья и Нютка суетились, убирали со стола, отмывали миски да канопки¹, гремели кадушками, натирали горшки песком, по дому уже разносился тихий, вкрадчивый напев.

Вечерами в клетушке Потехи возле печи собирался люд. Акси́нья и Лукаша не могли преодолеть этого зова

---

¹ Канопка — кружка.

и шли в клеть, смущались, старались не замечать запаха мужского пота и конного двора.

Семеро служилых, оставленных Строгановым для порядка и защиты при доме, не пропускали вечера, приходили послушать старика. Устраивались на лавках в темном углу, от женщин отводили глаза, но от их шепота, смеха, глубокого дыхания в доме становилось жарко. Занимались всякий своим делом: чистили оружие, строгали что-то из деревяшек, чинили сбрую.

Добрый старик, устроившись у печки, начинал говорить нараспев, и слова его лились, текли, заполняли стряпушую¹, все внимали ему, не замечая шепелявости.

— Полна земля русская
 Богатырским духом
 Да силушкою немереной.
 Ох, вы слушайте, милы детушки,
 Про Добрынюшку про Никитича,
 Как врагов своих побивал мечом
 Да великой своей мудростью².

Нютка старалась быстрее управиться с бесконечной домашней работой и, открывши рот, внимала Потехе. Аксиныя и Лукаша не выпускали из рук веретенца, за напевами старика не забывали о деле, а девчушка вся уходила в былины о славном богатыре.

Нютка закрывала глаза, представляла Хозяина с мечом в руках бьющимся с огромной змеей да младыми змеенышами. Видела она, как добрый конь пересту-

---

¹ Стряпуш а я — кухня, отдельная изба или помещение в избе, где занимались стряпней.

² *Здесь и далее авторские стихотворения, песни, вдохновленные русским народным творчеством.*

пает ногами и давит нечисть, как пот катится градом и цепляется за брови, как застилает боль синие глаза. Нютка слушала — словно в теплую водицу окуналась. Мать прогоняла ее в горницу за сладким ночным сном, она все противилась и просила старика: «Расскажи еще про Добрыню».

* * *

— Я штарый, и то слышу. — Старик показал пальцем вниз. — Псы наши лают, чертяки. А теперь шуляют, как щенки. К чему бы?

— Голуба! — Лукаша подскочила с лавки, охнула, обхватила свой большой живот, жалобно глянула на Аксинью.

— Ты не спеши, открою ворота.

— Я раньше! — Нютка подхватила сарафан так, что замелькали ноги в шерстяных чулках. — Приехали! Наконец-то!

— Тулуп да платок накинуть не забудь!

Аксинья проворно спускалась по лестнице, слышала довольные вопли Нютки, смех Голубы, низкий голос Хозяина, разговоры служилых, лай взбудораженных псов, ржание коней — всю суету и многоголосицу, что сопровождает обычно появление ватаги.

Она шла все медленнее и хотела бы, чтоб ступеньки были неисчислимыми. Отсрочить эту встречу, обмен взглядами у мира на виду. Всем до единого — от Лукаши до служилых — любопытно, что скажет да как посмотрит Строганов на ту, что недавно поселилась в его доме, на мать ребенка, на строптивицу и греховодницу.

— Батюшка! — Нютка повисла на Степановой шее, обхватила ручонками его заметенную снегом шубу.

— Буде! — Он осторожно опустил дочку на пол, но Аксинья видела — порыв Нютки доставил ему несказанное удовольствие.

— Голуба! — Лукаша рванулась к мужу, забыв о своей тяжести.

Тот скинул с головы меховую шапку, обхватил молодую жену, захохотал, словно ретивый конь, хотел поцеловать в подставленные губы, да не решился — не пристало лобзаться на людях.

Аксинья стояла в стороне. Счастьем веяло от всех четверых: незамутненный восторг от встречи, радость без края. А она, приبلудная собачонка, наблюдала за ними в тоске.

Голуба отбросил извечную боязнь «что люди скажут?», прижался губами к Лукашиному ласковому рту, обхватил женское раздавшееся тело, и все собравшиеся глядели на них — кто с ласковой улыбкой, кто с завистью.

— Нютка-утка. — Голуба отпустил счастливую жену, зажал свой широкий нос, гундосил, а хозяйская дочь смеялась. Он подмигнул Нютке, ласково провёл по темным косам. Будет хорошим отцом, всякому ясно.

Степан пророкотал Лукерье: «Здравствуй, хозяйка», скинул шубу прямо на пол, не заботясь о мехе, и лишь потом увидел Аксинью. Синие глаза глядели на нее настороженно, будто в доме поселилась кикимора болотная и вышла теперь к нему с приветственным словом.

Аксинья пыталась улыбнуться, но губы, неподатливые ледышки, не слушались ее. Одного доброго слова, скупой улыбки достаточно было сейчас для нее — и расцвела бы, и подбежала ласковой, льстивой кошкой.

Но не поберег для нее Строганов добросердечия: кивнул неохотно, выглянул во двор, отдал приказания служилым, попросил Лукашу накормить всех уставших с дороги.

Знатная выдалась встреча.

* * *

Аксинья пережила за свои тридцать два года многое. Устанешь перебирать в памяти — словно век целый прожила.

Яростная любовь к кузнецу Григорию, побег из отчего дома, покой в объятиях любимого мужа, попытки обмануть судьбу. Пустая утроба, что отказывалась выносить дитя. Обман, предательство мужа и крестовой¹ подруги Ульяны. Гордыня и желание отомстить, толкнувшие ее в объятия Степана, выемка богатого рода Строгановых.

Она ощущала себя былинкой, что клонится под ветром Божьего гнева. Перешептывания за спиной, грехи и ошибки, голод и тревога за Нютку лишали ее сна и покоя. Дочь, незаконное дитя, пятно на ее поделе и счастье души, придавала ей стойкости. Былинка гнулась, да не ломалась, переживала долгие зимы и бури.

Прошлой осенью Степан Строганов, своевольный богач, решил забрать у матери Нютку, свою плоть и кровь. Многие годы он жил, не вспоминая про шальные объятия жены кузнеца, не видал дочери, а тут взял да выполнил свою угрозу.

---

¹ Крестовая подруга — согласно русскому обычаю подруги обменивались нательными крестиками. Считалось, что это делает дружбу нерушимой.

Через мороз и метель пошла Аксинья к дочери своей, и Морена чуть не унесла ее жизнь. Смилоствовался Степан, оставил ее в доме. Да только жалость его поперек горла¹.

Она кусала ни в чем не повинное одеяло, сдерживала рыдания, что рвались наружу. Безмятежная дочь сопела рядом, и последнее, чего Аксинья хотела сейчас, — разбудить Нютку и услышать: «Отчего ты заливаешься белугой?»

Навыдумывала Бог весть чего, точно неразумная девчонка. Ждала Строганова, дни перебирала, точно камешки на бусах. Грех отмаливала да с замиранием сердца ждала, позовет, соскучится по ее рукам да груди горячей.

А он и слова не молвил. Вгрызся в нее, в сны, в память дурную, мягкую, бабью, да кровь не по вкусу пришлась. Волк он и есть.

* * *

— Служанки нужны. Как с такой оравой управиться? А скоро ты дитя на свет родишь, с ним возиться будешь. Лукаша! — Молодуха рассеянно кивала, звенела ключами на поясе, но думы ее летали где-то далеко, словно птахи, скрывшиеся в густом лесу.

— Аксинья, неудобно мне... Нет...

— Да что с тобой приключилось? Голуба обидел? — Аксинья выговаривала эти шутливые слова, а сама отчего-то заходила тревогой. Давно приучилась ждать подвоха от судьбы... И от мужчин, что держат ее поводом в крепких руках.

---

¹ Жизненный путь Аксиньи Ветер описан в романах «Обмануть судьбу» (Эксмо, 2020, 2022), «Искупление» (Эксмо, 2021, 2022), «Волчья ягода» (Эксмо, 2021, 2023).

— Нет, да нет же. — Лукаша зарделась, облизала и без того влажные сочные губы, потянулась к уху старшей подруги. — Поведай, нет ли вреда для него? — Погладила острый, выпирающий из просторной рубахи живот.

— Вред отчего? Вы с ним... — Аксиньин голос выдал улыбку. Праведница Лукаша — и такое!

— Гладил он по животу, целовал да крепко к себе прижимал, радовался. И заснул, голову на живот пристроивши. Насилу спихнула с себя. Вдруг сына раздавит!

— Лукаша, живи и радуйся каждому мигу. Добрый муж тебе достался. — Аксинья не могла не радоваться Лукашиному довольству, но бабье горькое, зловерное естество вопило от зависти.

Отчего ей не привелось увидеть радости на мужском лице? Никто не прижимал ее к себе с ласковыми словами, некому было Нютку через порог перенести, в рубашку свою обрядить¹. Ходила Аксинья и голову склоняла от взглядов недобрых, от вины своей неизбывной. Да что вспоминать...

— А Хозяин, он пришел к тебе?

Тяготилась она вниманием Лукашиным, любопытством немереным. Давно ведомо: если есть чем похвастать, любой собеседник в радость. А печаль-кручина с радостью не гуляют, другие песни поют, хороводы не водят, на кулиги² с надеждой глядят: подальше от людей да поспокойней.

— Аксинья, в покои к хозяину зайди. — Голуба сказал серьезно, да что-то озорное услышала в голосе его, что-то прожурчало и утекло под камень.

---

¹ На Руси существовал обычай заворачивать новорожденных в отцову рубаху.

² Кулиги — заброшенные лесные поляны.

Не выдержала, забежала в горницу, поправила убрus, надела бусы, Лукашин дар, да сняла, фыркнув возмущенно.

Что Степану до ее нарядов?

* * *

Аксинья заглянула в покои. Все так же висели сабли на стене — душа владельца, видно, в них залетела да там и осталась. Постель перекрученная, одеяло скинуто на пол, по полу раскиданы сапоги да вещи. Вздохнула, пробурчала: «Свин», принялась подбирать рубахи, заляпаные грязью порты, кушаки — куда их столько развел? Словно щеголь московский.

Не заходила в горницу после того сражения, когда безропотно подчинялась Степану, таяла в его здоровой шухе и калечной деснице¹, а Степан покорялся ей, словно не было меж ними долгих лет разлуки.

— О чем задумалась, ведьма?

— О тебе, вестимо. — Аксинья с трудом удержала испуганный вскрик. Строганов умел заставить ее врасплох.

— От тоски поди иссохла?

Она расставляла у стены сапоги: толстая свиная кожа и тонкий сафьян, юфть и бархат. Мягкие чеботы, атласные ичиги, сапоги синие, черные, белые да червленые, с высокими каблуками, подбитые серебряными гвоздиками. Работа искусная, добротная — и все в пыли да глине, без должной заботы скукожились сапоги.

— Не я ссохлась — обувка твоя. Звал меня за какой надобностью?

---

¹ Шуха — левая рука; десница — правая рука.

— Голуба не сказывал? — враз сменил тон Строганов. — Оставь ты сапоги! Потеха соберет, почистит, его дело. Слуга мой, парнишка, совсем плох. Седмицу в себя не приходит... И Третьяк тоже захворал, ногу нехристи располосовали. Поможешь?

— Все сделаю, что в моих силах, — склонила голову Аксинья. Этот разговор был ей близок и ясен. — За травами бы моими кого отправить...

— В деревню — как ее там — Елки? А отчего давно не забрала скарб свой? Знахарка без трав — что мужик без срамного уда¹. — Мужчина хрипло засмеялся, но, поймав ее недоуменный взгляд, поумерил веселье.

Аксинья могла бы сказать: страшилась вернуться в родную деревню; не решалась попросить о том Хмура, который остался за старшего среди строгановских слуг. Но зачем душу перед волком открывать? Насмешничать начнет да стыдить.

— Съездишь, коли надобно. — Он отвернулся, всем видом показывая, что разговор окончен.

— Слушаюсь, Хозяин, — не выдержала Аксинья.

Он ничего не ответил на колкость... Или принял ее за чистую монету? Гордец, честолюбивый да чванливый, куда ему уловить потаенный смех!

— Да, забыл... За Потеху спасибо. Не зря тебя в дом взял. — Слова ударились о спину ее и улетели.

Сказал бы в глаза да улыбнулся с теплотой.

Не обучен Степан благодарить да теплом одаривать вдоволь. А ей под силу изменить того, кто обладал суровым нравом и острым языком? Кто она супротив Строганова? Не лань, не волчица... Блоха на волчьей шкуре.

---

¹ Срамной уд — на Руси так называли мужской половой орган.

2. Богатырь

В Соли Камской всю зиму царил белокрылая зима: она рассыпала перья по двору, тормошила сонных псов, оседала на Нютиных ресницах и противилась весенним ветрам, налетавшим с юга.

«Отец вернулся», — билось ее сердце, губы сами собой расплывались в улыбке, мир казался радушным и благодатным. Он словно распахивал перед дочкой объятия, напевал что-то звонкое.

Отец... От Нютки так долго пряталось это чудное слово, она, сколь себя помнила, ощущала свою убогость, нецельность. Так растет порой деревце с обломанной макушкой, тянется ввысь, а невдомек ему: никогда не стать высоким да крепким, как соседние деревца.

Мать скрытничала.

Твердила, что Нюткино отчество звучит скрипуче, точно цепь на шее дворового пса: «Гр-р-ригор-р-рьевна», что родила ее от деревенского кузнеца, а все остальное — сплетни да бабьи выдумки.

Хитрая мать, знахарка, ведунья, да только не умеет врать. Малой птахой была Нютка, но чуяла подвох. Крылась в рождении ее постыдная тайна, мать неспроста звали грешницей да прелюбодейкой.

Отец внезапно появился, выскочил откуда-то, словно богатырь-спаситель. От голода уберег, жизнь их серую расцветил красками. Нюта из «той, что знахарка нагуляла» превратилась в дочь богатого купца. Да, видела, теперь глядели на нее без отвращения, с любопытством и завистью.

Обломанное деревце выпрямилось, и верхушка оказалась целехонька.

Нютка сразу и с великим ликованием приняла весть, что она — дочка Степана Строганова. Весь он от си-

них глаз, точь-в-точь как у Нютки, от огромного роста и громового голоса до обрубка в правом рукаве был ее отцом. Долго не объявлялся — так делами торговыми занимался, человек немаленький. У матери без спроса забрал — все устроилось, теперь они вместе в Соли Камской, жизнь становится все лучше с каждым днем.

— Хозяин... отец, — осторожно выговорила Нюта, зная, что матери словцо это не по душе, — к воеводе зовет. Зачем, не ведаю.

Она удерживала улыбку, супила брови, но от матери радостный щебет в душе не укроешь.

— Раз звал, значит, надобно, — сухо ответила Аксинья и, подхватив повыше утирки да скатерти, пошла дальше по нескончаемым делам.

Нютка знала, что меж отцом и матерью проскочила злонравная кошка, что глядят они друг на друга с опаской. И что судьбою предназначены друг для друг, как Василиса Премудрая и Иван-Царевич.

* * *

— Ты получше шкурой закройся. Нос любопытный не высовывай, — повторял он, а Нютке от ворчливо-веселых ноток в отцовом голосе хотелось громко петь.

Девчушка глубже залезла под овчину, натянула платок на самые брови, исподтишка разглядывала того, кого так долго ждала. Как ни старалась придумать хитроумный вопрос — такой, чтоб непременно ответил да дочку похвалил, — ничего не выходило. Слишком серьезен, строг сегодня отец. Казалось, какая-то дума терзает, замутняет синие глаза, отвращает от Нютки.

Двое служилых ехали перед санями, двое позади, охраняя Хозяина и ценный груз. Нютка, даром что девка, сразу поняла, что к воеводе поехали не с пустыми руками.

На саях бесформенной кучей громоздились большие туки, что-то мягкое, заманчивое скрывалось там внутри, за рогожей. В ногах у Нютки поставили ладный ларец. Эх, поди ж там сокровища несметные, привезенные из далеких-далеких земель.

— Батюшка, а что бы ты... — набралась она смелости.

Да опоздала.

— Тпру-у, — протянул возница, и послушные лошади остановились.

Отец и не обратил внимания на Нютку с докучливыми вопросами.

Хромой Третьяк спрыгнул с козел, подхватил ее и поставил на землю, словно она калека, что и сама спуститься не может. Много лет Нютка бегала по Еловой в простых нарядах, скакала воробышком. Сейчас от нее требовали иного — важничать и привычки деревенские позабыть.

Наряды носила теперь богатые, приятные телу и глаз: бархат, кружево, парча, серебряное шитье. Сапоги мягкие, словно по ее ножке сшитые, бусы в три ряда. Отец на Нюткины наряды копеек не жалел.

По нраву ей пришлось такая перемена: кто ж в своем уме откажется от новых душегрей да бус? Только меньше чужала Нютка воли. Где друзья, соратники по веселым затеям? Где салки и хороводы? Где смех до упаду и подначки? Все осталось там, в родной Еловой. Она подавила вздох и пошла вслед за Хозяином.

Терем воеводы поражал величиной и богатством. Все балясины¹, перила, столбики с затейливой резьбой вы-

---

¹ Б а л я с и н ы — невысокие фигурные столбики в виде колонн, поддерживающие поручни перил, ограждений балконов, лестниц.

полнены были истым мастером. Гостей встретил веселый слуга, подмигнул Нютке, поклонился отцу и распорядился проводить девчущку в горницу. Та только вздохнула: отчего-то виделось, что пойдет вместе с отцом в покои воеводы.

— Ты кто такая будешь? — круглые насмешливые глаза разглядывали ее словно гусыню, выставленную в клетке на базаре. — Что пялишься на меня, а?

Горницу заливал дневной свет, и всякому становилось ясно, что в семье воеводы заняты делом. Дюжина девок — и у каждой рукоделие, шитье иль вышивка. Ткацкий стан, прялки в руках полной женщины — по всей видимости, хозяйки дома — пяльцы, натянутые полотнощица.

Девчонка, что смеялась над Нюткой, полная, крупная, в шитом золотом сарафане и богатой душегрее, одна маялась без дела. То подходила к девкам, то улыбалась хозяйке, то кружила посреди комнаты, надоедливая муха. Корзинка с рукоделием, со спутанными нитками притулилась в уголке широкой, обтянутой кумачом лавки.

— Я с отцом в гости к вам приехала. Ты не знала? — набралась смелости Нютка.

— А кто твой отец? Что у батюшки забыл? К нему всякое отребье не ездит!

— Язык придержи. Отец мой из Строгановых, тех самых, что государевым указом именитыми людьми признаны¹. — Нютка вспомнила рассказы Потехи о Хозяине, о чести великой. — С отчеством именуются.

— И тебя небось с отчеством? Замарашковна?

---

¹ Строгановы по указу Василия Шуйского 1610 года получили право зваться именитыми людьми, с отчеством, что являлось большой честью.

— Дочка, сердечко мое, утихомирь свой язык. Девушка должна быть мягка и сердечна к гостям своим. — Мать сквернословки не удосужилась даже прикрикнуть на дочь, говорила тихо, плавно, словно песни пела.

Нютка стояла посреди горницы, ощущение собственного бессилия накатило на нее бурной волной — как после прокисших яств в животе поднимется буря, требующая посещения нужника.

— Ты...

— И слова молвить не смей. Я воеводина дочка! Прогневишь меня — и в острог отправишься.

— Дура ты, а не воеводина дочка. — Нютка готова была сейчас и в подземелье пойти, и к самому черту в логово, лишь бы проучить зазнайку.

— Дура?! Да ты сейчас поплатишься... — Круглое лицо пошло красными пятнами.

— Хозяйка, — одна из девок оборвала сквернословку на полуслове. Она поклонилась хозяйке и дочке ее, но Нютке померещилась ухмылка на ее худом лице. — Хозяин позвал Лизавету Гавриловну и...

— Ты отчего речи мои обрываешь? Матушка!

— Иди к отцу, доченька. Что-то нехорошо мне. — Хозяйка обмахнула платком полное лицо.

— Гостью тоже звали, — напомнила девка.

— Убогий не гость, — фыркнула воеводина дочка.

Нютка шла за ней след в след, вперилась глазами в красный плат гадкой девчонки. Эх, попасть бы этой сквернословке в Еловую, вмиг бы Илюха ее проучил! Уши надрал бы да не посмотрел, что девчонка. Привыкла всю жизнь за спину отцову прятаться, гадостями всех поливать.

Девчонка обернулась и показала ей язык. Нютка высунула свой, задергала кончиком, подняла вверх да почти добралась до носа — и она не лыком шита.

Горница воеводы оказалась низкой и темной: застеле-на богатыми коврами, с иконами и сундуками, столом, заваленным всяким хламом. Посреди комнаты — тюк, что везли с собой гости, развязанный, расхристанный, он приковывал к себе внимание.

— Экая лиса, — восхищенно протянула Лизавета, выхватив из кучи шкуру. Сквернословка закуталась в нее, вопросительно уставилась на отца, крупного, кряжистого мужчину, который восседал на широком кресле.

— Дочка, подойди ко мне, — улыбнулся воевода, и Нютка поняла, отчего девчонка так балована. Смотрел на нее воевода Соли Камской и сопредельных земель так, словно являла она собой ангела небесного.

Он потрепал дочку по пухлой щеке:

— Гляди, Степан Максимович, невеста у меня растет.

Отец кивнул и отвернулся, сквернословка, воеводи-на дочь, мало его занимала. А та не смотрела на отца, зарылась по локти в грудь пушнины: серые белки, рыжие лисицы, рыси, богатые соболя... И Нютка сожалела лишь о том, что богатство достанется гадкой Лизавете.

— Дела мы с тобой решили, Гаврила Васильевич?

— Поговорили, пора и за стол. А девчушка хороша! — Нютка оглянулась и поняла, что речь шла о ней. Хороша не хороша, воеводе-то что?

— Жениха предложить хочешь? Рано ей еще. — Строганов сел на лавку и стал качать загнутым носом длинного сапога.

— А ты скажи мне, девчушка эта... Как звать тебя?

— Сусанна. — Нютка гордо выпрямилась и перехватила ехидный взгляд воеводиной дочери.

— Сусанна, хех, — то ли подавился, то ли засмеялся воевода. — Дочь твоя, Степан Максимович? Разные

слухи ходят. Иль не дочь? — воевода вглядывался в гостя.

Хозяин ответил. И сердце Нюткино подбитой птицей упало на камни.

3. Горемыки

Ядреный запах мужского пота и застоявшейся мочи ударил в нос, Аксинья закашлялась. Ни разу не довелось ей побывать в клетях, отведенных для строгановских казачков. В обиталище их вела особая дверь, Лукаша с Аксиньей в немудреное хозяйство их не лезли.

— Отчего такой запах стоит? — Аксинья окликнула молодого крепыша, устроившегося за столом.

Тот равнодушно поглядел на нее, разломил краюху несвежего ржаного хлеба и с чавканьем откусил. Крошки повисли на усах и бороде.

— Третьяк! Ему помощь нужна! — Аксинья отдернула одеяло и сморщила нос. И бывалой знахарке тяжело было смотреть на парнишку: без бабьих заботливых рук он, видно, целыми днями лежал в испражнениях, медленно гнил заживо.

— Ах ты зайчик, сейчас. — Она вытащила из-под того тельца соломенную подстилку и гаркнула Третьяку: — Иди сюда!

— Ишь, хозяйка нашлась! Кукушка ночная, — бубнил себе под нос. Аксинья расслышала каждое слово да промолчала: всему свой срок.

Третьяк тяжело, с неохотой встал и, припадая на левую ногу, пошел к ложу больного парнишки.

— Как зовут?

— Да вестимо сам приходил. Малым кликали, а во крещении имени не ведаю. На том свете ему напомнят.

— Не каркай тут! Быстрее ты к Господу отправишься.

Третьяк, кряхтя, волоча ногу, дотащил парнишку до хозяйского крыльца. Несуразный, тощий, Малой казался невесомым в его мощных руках.

Аксинья наслушалась слов неприличных, сетований на судьбу тяжкую, что послала ему, больному да изуверченному нехристями, дурную бабу. Тащить покойника незнамо зачем, и нога отнимается...

Под строгим взглядом Аксиньи он принес парнишку в дом и небрежно кинул на лавку. Третьяк долго растирал свою ногу, постанывал, выпросил у Потехи ковш ягодного кваса. Шептал и о доброй чарке вина, но старик не расслышал.

— Спасибо тебе за помощь великую, Третьяк, — Аксинья не скрывала ехидства в голосе. — Больше не тревожу тебя.

— А ногу мою заговаривать да травами лечить?

— На тебе как на собаке все само заживет. Будь здоров.

Аксинья знала, что Третьяк шлет ей сейчас худые да обидные слова, проклинает колдунью, но ей ли привыкать? Она уже забыла про вздорного мужичка. Жизнь молодого слуги находилась в ее руках.

Потеха обнюхал Малого и поцокал языком. Как и знахарка, он понял, что Доля¹ загуляла где-то да забыла про несчастного парнишку, оставила его во власти злой Недоли.

Долго они мыли хворого в корытце, вливали в непослушные губы снадобье, оборачивали усохшее тельце в подорожник, сверху приматывали рогожу. Аксинья шептала над парнишкой тайные слова, не забывая о молитвах.

---

¹ Доля и Недоля — по славянским представлениям, две девы-пряхи, что определяли судьбы людей.

— Дед Потеха, имя-то какое у бедолаги?

Дед пошевелил губами, прочесал лысый затылок, молодно хихикнул:

— Имечко такое, незвучное... Вспомнил! Ананием матушка назвала.

Аксинья и сама не сознавалась себе, что чернявенький, юный, измученный парнишка напомнил ей Матвейку, ненаглядного братича.

* * *

Хоромы Строганова располагались в самом в конце безымянной улицы, на левом берегу Усолки. Одной стороной дом упирался в глубокий овраг, к другой прилепились усадьбы и амбары, потемневшие от времени, в них соледобытчики хранили свои запасы. Через дорогу, на другой стороне улицы, раскинулись владения старого купца и достаточной семьи, много лет служившей государям. Старики доброжелательно кивали при каждой встрече всякому; хозяева второго дома, люди непростые, на Аксинью и не глядели.

Она и не сокрушалась о том.

Здесь, в Соли Камской, жили куда свободнее. Не спрашивали о всяком шаге, не вытягивали шеи, разглядывая застиранные порты. За высоким забором и спится слаще.

Аксинья быстро привыкла к огромному дому, малой горнице с мягкой периной, печи, где можно было приготовить три дюжины пирогов и хлеба на всех домочадцев. В светлице наверху так славно было проводить вечера вместе с дочкой и Лукерьей. В клетушке Потехи она перебирала травы и коренья. Погреба, амбары, хлев, птичник, сеники — она выучила наизусть всякий уголок строгановского дома. Словно хотела остаться здесь навсегда...

Степан не глядел на нее и слова о том не молвил. А неизвестность для бабьего сердца — худший яд. Акси́нья терпела, опускала глаза и верила: уйдет стылая зима, и станет легче.

* * *

Но весна не спешила прилететь на Солекамскую землю. Накануне Благовещенья Богородицы¹ выпал снег. Сугробы громоздились, словно не ведали о том, что скоро побегут они по дорогам и склонам, затопят овраги и лощины.

— Мамушка, ты скучала по нашей деревушке?

Акси́нья прокашлялась, словно в горле что-то мешало дать правдивый ответ.

— Нютка, сколько здесь лет прошло, сколько воспоминаний худых да хороших...

Но умолчала она, что устала оправдываться, ждть оплеухи или шепота в спину, устала жить там, где изведала много худого. По родным берегам скучала, по Усолке, покрытой льдом, по избушке, что пряталась в лесу, недалеко от деревни. По тем, кто любил ее, поддерживал и ждал подмоги: Георгий Заяц, вся его беспокойная семья, Настя, вдова Никашки, Неждан.

— А я соскучилась, — протянула Нютка. Мать слышала за этими словами нечто большее, чем тоску по родным местам.

Который день дочь ходила хмурая, нерадостная, на все расспросы отвечала угрюмым молчанием. Но весна вступит в свои права — и Акси́нья достучится до строптивицы.

---

¹ Благовещенье Богородицы — христианский праздник, 25 марта. (Здесь и далее даты даются по старому стилю.)

Дорога блестела на солнце, шитая серебром. Нютка напевала, подскакивала на лавке, не в силах сдержать радость — мать не одергивала ее, только улыбалась и подставляла лицо зимнему солнцу.

За поворотом открылась Еловаяя, дорога пошла с горы, Хмур придержал разогнавшихся мерингов. Навстречу им лениво поднимался белый в рыжих подпалинах жеребец, Аксинья всматривалась, да не могла узнать: под овчиной возницу не разглядеть.

— Домой возвращаешься иль погостить приехала? — Под шкурой прятался еловской староста, Яков Петух. Он сбросил овчину, улыбался знахарке, словно дочери родной, даже привстал, пытаюсь поклониться.

— По местам родимым соскучилась. — Аксинья не могла скрыть растерянность в голосе. Никогда не слышала она такого радушия в голосе вредного старосты.

— И верно, надобно в родные края приезжать.

— Как Настюха, как внучка, все ли хорошо?

— Да что им, у нас с матерью живут, как у Христа за пазухой. Внучка горластая, егоза. И жениха Настюхе приискали. С первым промашка вышла, окаём¹ да пьяница. Авось со вторым повезет, — разговорился Яков.

Мерины недовольно крутили головами. На покато́й дороге их охватывало одно желание: мчаться вниз словно ветер. Хмур натягивал вожжи, лишь бы удержать ретивых.

— Рад повидаться, — цвел новой улыбкой староста.

Что за диво приключилось в Еловой? Аксинья чуть не фыркнула вслух, представив, что в родной деревушке все кланяются да радуются встрече с ведьмой. Лихорадка напала на односельчан? Грибов ядовитых наелись на исходе зимы?

---

¹ Окаём — отморозок, плохой человек (*устар.*).

И верно, наелись.

Односельчане, завидевшие сани, подходили, ласково здоровались, расспрашивали о делах, восхищались отороченной зайцем душегреей... Словно не грешницей — праведницей слыла, не ведьмой — богомолицей.

Хмур остановил сани возле ворот Георгия Зайца. Аксинья влетела туда любопытной синицей, столкнулась с Тошкой, вскрикнула от радости.

Дочь затеяла возню с детворой. Беготня, смех, визг: во дворе Зайца всегда хватало ребятишек. Гошка Зайченок, как всегда чумазый и жизнерадостный, пятилетний Гаврюшка, мелкая Филька... Нютка получила то, чего ей так не хватало в скучной Соли Камской.

После долгих объятий, расспросов, вороха новостей, что высыпал на нее любимец, спросила о главном:

— Отчего ж это все полюбили меня? Что изменилось, скажи мне, Тошенька?

— Хах! А ты не знаешь, Аксинья? Удивила! — Тошка щурил свои темные глаза, складывал губы в ехидную усмешку.

Какой красавец вырос, крепкий, темнобровый, с норовом! От такого девичье сердце замрет — и забьется пуще прежнего. Похож, чертяка, на отца своего Григория. Да только тот дерганный, ломанный, с темным дном — Тошка светлей, открытей, улыбка у него широкая, солнечная.

— Что ж ты тянешь кота за хвост, изверг? — шутиливо возмутилась знахарка.

— Мамушка, мамушка, отец мой теперь Еловой владеет! — Нютка заскочила в избу, прокричала так, словно хотела, чтобы каждый в деревушке услышал.

Царь отдал Еловую да пару десятков других деревень возле Соли Камской Максиму Яковлевичу Строганову.

Были свободные крестьяне — стали холопами¹. Давеча писчие людишки приезжали, бумажками трясли, говорили, сколько зерна должны еловчане отдать, когда за солью съездить. Заплакала деревня, затосковала по былому. Да только жить ей отныне несвободной. «Под каблуком Строганова», — горько усмехнулась Аксинья.

* * *

Нютка и Гошка Зайчонок убежали — раз, и след простыл. Соскучилась дочь по забавам деревенским, по друзьям своим ненаглядным. Аксинья не стала звать озорницу, разыскивать, кричать на всю деревню. Пора навестись в свою избушку, забрать немудреный скарб.

На санях вмиг домчались до конца единственной улочки Еловой. Экая барыня выискалась, ножками по снегу глубокому ходить не может... Человек к хорошему быстро привыкает, к доле да неге, говорила себе Аксинья.

Коля Дозмор, добродушный пермяк, что волею судьбы оказался занесен в русскую деревню, помахал Аксинье, растянул щербатый рот в искренней улыбке.

— Оставим сани у твоего двора?

— Мыйнӧ², — затряс лохматой головой пермяк. — Напою, сена дам.

Хмур шел впереди, протаптывая большими сапогами тропу в рыхлом снегу. Дорога до знахаркиного дома тонула в сугробах: незачем теперь ходить сюда еловчанам. Аксинья зачерпнула снег, недостаточно высокими оказались ее коты³ из толстой свиной кожи.

---

¹ Х о л о п — так именовали домашних слуг, но в широком смысле холопы — зависимое население.

² М ы й н ӧ — да (*коми-перм.*).

³ К о т ы — женская кожаная обувь, полусапожки.

Когда Аксинья и Хмур добрались до крыльца, уже перевалило за полдень. Изба встретила их стылостью и обиженным молчанием. На печи остался горшок с кашей, на сундуке скукожилась Аксинья рубаха. Иней проник в избу, засел по бревнам и лавкам.

— Печь? — Хмур всегда был немногословен.

— Давай обогреемся. Я озябла, да и ты — не противься — устал.

Хмур скривился, словно сама мысль, что он может проявить слабость, казалась ему оскорбительной. Он сноровисто растопил печь, в каждом его движении чувствовалось удовольствие от немудреной работы. Аксинья поставила в зев миску с водой, а сама косилась на Хмура. Невысокий, по-отрочески стройный, он выглядел ее ровесником. Прозвище дали ему служилые неспроста. Никто не видел улыбки на лице Хмура, не слышал его смех. Хмур всегда казался сосредоточенным на деле. Голуба доверял ему самые важные поручения, относился к нему с большим уважением, да за спиной посмеивался: рядом с Хмуром и парное молоко скиснет.

Аксинья рылась в сундуке, вытаскивала из клетки все самое нужное: драгоценный Вертоград с рецептами снадобий, травы, одежонку, Нюткино приданое. Она сложила горкой скарб: вышло совсем немного. Скудны запасы бедняка, не надорвешь живота переноса. В избе потеплело, сразу заплакали бревна, засочились влагой стол и поставцы — таял иней.

Знахарка заварила кипрей, подождала, пока трава отдаст свою силу кипятку, протянула канопку мужчине. Хмур кивнул, взял в руки теплую посудину.

— А человека просто отравить? — Он задал вопрос, не глядя на знахарку, а она закашляла, подавившись отваром.

— Все худое просто сотворить, да непросто с совестью потом договориться.

Она подошла к нему ближе и не утерпела, задала вопрос:

— Слышала я, с женой твоей беда. Помочь чем?..

— Моя беда и есть. Не лезь в душу.

Он поставил канопку с двумя глотками отвара на донце и вышел во двор. Лукерья сказывала: жена Хмура, молодая ядреная баба, слегла много лет назад: сначала не двигались ноги. Потом руки перестали слушаться. Она не узнавала мужа, родных, лишь тонкая нить держала горемычную в этом мире.

Ужели со злым умыслом Хмур вопрос задал? Всю обратную дорогу до деревушки Еловой Аксинья не могла избавиться от дурных мыслей, вглядывалась в насупленное лицо мужика, словно могла прочитать, что там творится, под суконной шапкой.

* * *

Дозмор ждал Аксинью возле саней, и рядом с ним топтал снег крепыш лет четырех.

— Неждан, как вырос-то! — Аксинья опустила на колени перед парнишкой.

Дитяtko! Первый месяц Неждан провел на знахаркиных руках, она поила теплым козым молоком, тетешкала, пела колыбельные и жалостные песни про Агашу, покойную мать.

— Забирай зонку¹. — Коля насильно впихнул в руку Аксиньи холодные мальчишечьи пальцы.

Она выпрямилась и теснее сжала робкую лягушачью лапку: казалось, Неждан холоднее воздуха, что вливался в глотку острыми льдинками.

— Ты чего?

---

¹ Зонка — мальчик (коми-перм.).

Дозмор тараторил на родном языке, и Аксинья не могла различить ни слова. Понимала лишь, что речь идет о чем-то плохом, грустном для мужика, его глаза подернулись влагой.

— Я не понимаю, Коля, говори по-русски.

— Умерла хозяйка. Жена, видно, у него умерла. — Хмур нежданно выступил в роли толмача.

— Зоя быри, — кивнул Дозмор.

— А дочка ее где?

— Приехали гортсаяс. Зойку забрали.

— Родные взяли, — перевел Хмур и так ясное.

Коля Дозмор еще долго рассказывал Аксинье, что он остался в Еловой лишь из-за Неждана, все думал, куда пристроить мальчика. Сам пермяк решил вернуться в родное селение, семья простила прегрешения незадачливому пермяку; шаман, которого он крепко обидел, умер. Но мальчишке нельзя жить с Колей. Новый шаман разглядел в нем что-то опасное и объявил, что белоголовый может навлечь опасность на весь род.

Аксинья слушала речи пермяка в скупом переводе Хмура, силилась понять: правду говорил ей Дозмор или врал, желая сбагрить мальчонку? В конце концов, какая разница? Неждан вновь оказался лишним.

— Пойдешь со мной? — Аксинья улыбнулась парнишке.

Видно, малец еще не научился говорить, в ответ вякнул нечто похожее на «Га» и, вырвавшись из ее рук, крепко обнял Дозмора.

— Прощай, зон...

— Был бы сыном, так не бросал на чужих людей, — расщедрился на речи Хмур.

Коля Дозмор насилу отлепил от себя мальчишку, прошептал ему что-то на ухо и бережно подвел к Аксинье. Хмур с презрением поглядел ему вслед.

— Он не родной отец мальчишки. Ты, Хмур, не осуждай... Если бы не Коля Дозмор, Неждана бы и на свете не было.

— Ежели мужик бросает тех, за кого отвечать должен, — грош ему цена. — Хмур небрежно закинул котомку Аксиньи в сани, поднял парнишку, укутал в толстую овчину. Аксинье помощь никто не предложил, она забралась в возок сама, путаясь в длинных юбках.

— Мамушка, про меня не забудь! — Розовощекая запыхавшаяся Нютка бежала по улице, следом мчались Гошка Зайчонок, Илюха и Ванька Петухи.

Аксиньина дочь всегда находила общий язык с мальчишками. Она с охотой играла в опасные игры, смелая, упрямая, не походила на осторожную мать. Илюха Петух, видно, чуял в ней эту силу, бесстрашие и относился к ней по-особому.

— А я уж думала, здесь ты, дочка, останешься.

— Тетка Аксинья, здравствуй! — крикнул Илюха громче, чем следовало.

Нютка забралась в сани, продолжала весело галдеть, рассказывая друзьям о своем житье. Мальчишки обступили добрых холеных меринов, гладили их богатые гривы, заглядывали в добрые глаза, легонько щипали бока.

— отошли. П-у-ць-ць-ць! — выдохнул Хмур, и сани споро покатались по дороге.

Деревенские мальчишки бежали за санями, как молодые ретивые псы. Но быстро отстали, запыхались, сели прямо на заснеженную обочину. А настоящий пес, черный, словно уголь в печи, с громким лаем мчался за санями. Он всем видом своим показывал: умру, да только бежать и дальше буду!

— Хмур, останови!

Мужик выразительно хмыкнул, но выдохнул: «Тпру-у-у», мерины послушно остановились. Пес запрыгнул

в сани со всего маха, щедро засыпав седоков снегом и шерстью. Он скулил, крутился от Аксиньи к Нютке, успевал, казалось, ластиться сразу к обеим хозяйкам, лез шершавым языком прямо в лицо, смахнул с лавки узел с вещами, топтал длинные юбки. Пес был счастлив.

Сани тронулись, вкусно поскрипывая полозьями.

— Черныш! Чернышенька! — Нюта заливалась радостным смехом, прижимала к себе зверюгу, чесала его грязный, усеянный соломой затылок.

Аксинья улыбалась, глядя на дочку, ворошила лохматый бок и молчала. Она даже не вспомнила о псе, оставленном Зайцевым-Федотовым, не спросила Тошку о судьбе лохматого беса. Но Черныш, бескорыстный и любящий, не укорял ее, не ворчал.

— Чеш, — лепетал Неждан, осторожно касаясь черного хвоста.

Щедрый пес и его осенил любовью. Провел розовым языком по чумазой мордахе, словно говоря: «Теперь ты наш».

4. Законная добыча

После поездки в Еловую Аксинья выслеживала Строганова, как охотник сторожкого соболя. Еще до зари Степан уходил по делам — их за последнее время прибавилось. Ночью приходил поздно, после того, когда дом уже засыпал. Казалось, что Хозяин находился в каком-то ином месте: так редко видели его обитатели хором.

Дождавшись, пока Нюта уснет, Аксинья взяла свечу, накинув на ночную рубаху теплый летник¹, пошла

---

¹ Летник — старинная летняя женская одежда с длинными широкими рукавами.

туда, где быть ей не следовало. Без Степана покои казались пустыми и неопасными. Акси́нья поставила подсвечник на стол, с любопытством взгляделась в письма и бумаги, прихотливо разбросанные неряшливым хозяином.

Отписки от дьяков, грамоты от воевод, списки с рухлядью и длинным перечнем снеди, оружия, пороха... Она шевелила губами, всматриваясь в убористые строчки. Неровный свет — и вереница дел проходила пред нею. Бесконечные тяжбы, походы, жалованье казачкам, челобитные сотников... Как же разумом все охватить?

Акси́нья вспомнила добрым словом травницу Глафиру, передавшую обычной крестьянской девчужке азы грамоты. Обычный ход жизни не доставлял неудобства тем, кто не разумел мелких козявок, рассыпанных по бумаге или бересте. Чаще всего Акси́нья не задумывалась о своем даре. Но сейчас, перебирая письма, ощущала свою странную причастность к делам Степана лишь оттого, что могла прочитать все, разбросанное на столе, кроме самых путаных речей.

Треть свечи обратилась в текучий воск, Акси́нья все раскладывала грамотки и отписки: за этой забавой она потеряла счет времени. Хозяин не спешил вернуться в свои покои, а Акси́нью одолевала дремота. Она скинула летник и скользнула под теплое, подбитое волчьей шкурой одеяло. Уж давно шептались все, что знахарка проводит ночи в постели Строганова. Здесь она и останется.

Мех согревал, и в стылой горнице Акси́нью охватил жар. Она выпростала из-под одеяла ногу, ловя холод разгоряченной плотью. Акси́нья завозилась, ища удобное гнездышко, скоро поняла, что в горнице не одна. Тьма казалась непроглядной. Вовсе не жар, но тихий стук медленно снятых сапог, шорох одежды разбудил ее

чуткое ухо. Она хотела встать с постели, приняв подобающий вид, поговорить со Строгановым. Или не хотела?

Он не дал времени на размышление, быстро сдернул одеяло, застыл, глядя на незваную гостью. Рубаха закрутилась вокруг ног, обнажая коленки, волосы разметались вокруг лица. Темнота должна была скрыть непотребство, но волк видел все. Аксинья ойкнула, попыталась поправить рубаху. Он, прошептав что-то неразборчивое: «Ведьма?» — лег на нее, прижал своим телом и — раздавил волю. Как всегда.

После той ночи Аксинья ждала его яростного внимания, горячих рук — руки, шарившей по телу. Что бы ни говорила Лукаше, Потехе и себе, она тосковала долгими зимними ночами по насмешливому голосу, по дерзким губам. Предвкушение разливалось по жилам ее, когда охальник был рядом.

Находила ли тоска отклик в Степановом сердце, бог весть. Но движения ласковых пальцев, чертивших буквы на его напряженном животе, находили. Ее губы, язык, подчинявшиеся сначала настойчивой воле мужчины, а потом затеявшие свою игру, и грудь с животом, внезапно лишившиеся всякой защиты и прижимавшиеся все теснее к нему, и бедра, стосковавшиеся по похоти, блудодействию, находили.

Она двигалась вместе с ним, и пот с лица капал и капал, и что-то горячее и неотвязное подступало к Аксинье, клубилось в животе и ниже него, настолько мощное и страшное, что она попыталась вырваться, но где там! — и с одной рукой Степан держал ее — как волк законную добычу.

— Ты чего? — соизволил он разомкнуть уста, не дал ответить, вновь впился губами.

Шуя обхватила Аксинью, подтянула еще ближе, еще теснее — и что-то обрушилось на нее, закрутило, сжало,

смелó. Потом она ощутила, как тяжел Строганов, навалившийся всей плотью, как слиплись они, словно пропитанные медом пряники, как вдавливаются в ее грудь мешочек с косточками, что висел на Степановой шее.

Отпустил ее, скатился с Аксиньи и, кажется, в то же мгновение стал дышать ровно, провалившись в счастливый сон.

Знахарка понимала умом своим, что нужно уходить. Не получилось разговора — Бог с ним, найдет еще время. Но место рядом со Степаном казалось таким уютным, а постель такой мягкой... Она прижалась всем телом к мужчине и спокойно уснула.

Еще не наступил рассвет, а она уже ощутила горячие касания губ на своей спине, страстная пляска прошедшей ночи продолжилась, став лишь чуть медленнее и ласковее. Аксинья, наверное, лишь сейчас, в предрассветном угаре, растекаясь негой по мягкой перине, поняла, что вся ее история со Степаном, незаконным, признанным сыном Максима Яковлевича Строганова, не случайна. Послана была ей то ли на счастье, то ли на беду, перевернула всю жизнь...

Степан. Слезы и глубокая обида — кулаком в сердце. Но и спасение, страсть, тот высокий заплот¹, возле коего она может перевести дух.

Утонув в мыслях, она не ощутила бури, лишь спокойную радость: он рядом с ней, и сыт, и доволен. Когда Степан отдышался, потянулся, словно довольный кот, погладил мимоходом ее бедро, Аксинья осмелилась завести разговор, ради которого и пришла в покой:

— Степан, я в Еловую ездила. И там... Не рассказывал ты, что моя деревня вошла во владения Строгановых.

---

¹ Заплот — забор.

Он натянул порты — ловко, хоть орудовал одной рукой, повернулся к ней и хмыкнул, но без злости в глазах:

— Твоя деревня? Думалось, что моя... Видно, позабыл, что отчитываться пред тобою должен.

— Хотела я просить милости. Вольную дать одному парню.

— Начну всем вольные раздавать, кто на земле работать будет?

— Степан, прошу тебя. — Аксинья коснулась его плеча, поросшего светлым, почти прозрачным волосом.

— Отчего так просишь за него? Шашни были?

— Степан, что за домыслы? — Он умел вернуть на землю, как никто другой. — Тошка мне словно сын родной.

— А второго сына ты в мой дом привела? Ишь развела сыновей! Только своего нет.

Другая бы, молодая да глупая, в словах мужских укор услышала или намек, да Аксинья вдоволь наелась обещаний, знала им цену. Пропустила слова Степановы, будто не слышала.

— Хорошо, воля твоя. Ты позволишь Неждану жить у нас?

— Неждан? Да пусть живет малец, поди не объест.

Порой Усолка не промерзала до середины зимы. Так, тонким ледком покрывалась опасным, манким. Детвора норовила побегать по нему. Да ледок не выдерживал — и озорник нырял в эту ледяную воду. Разговор со Степаном — словно хождение по льду Усолки. Никогда не знаешь — пройдешь иль провалишься в обиталище сонных рыб.

* * *

Аксинья бережно разложила на сундуке Вертоград — старый лечебник, доставшийся от Глафиры. Страницы потемнели от времени, кое-где мыши погрызли углы, не

заботясь о том, что книга драгоценна. Телячья кожа, защищавшая лечебник от времени, стала основой для похлебки: в смутные времена Аксинья выварила все съедобное. Но снадобья, бесчисленные советы монахов, травников разных стран и народов остались нетронутыми.

Свеча плавилась, время текло незаметно. Аксинья устала разбирать убористые строки с прихотливыми буквицами: она искала средство, что принесло бы облегчение Малому.

— Пей, золотко мое, пей! — Ложечкой вливала в обметенные потрескавшиеся губы отвар, темный, горький, словно судьба мальчишки.

— Не жилец он, Аксинья, оставь в покое. Попа надобно звать, а не снадобья ведрами вливать.

— Потеха, не ворчи под ухо.

Старик крикнул недовольно. Неждан устроился на лавке рядом с Малым, гладил того по холодной руке, вздыхал и смотрел на Аксинью с надеждой. Потом забывался, принимался что-то лопотать, неразборчиво петь. Она лишь улыбалась: хворый был в том состоянии, когда разговоры да смех не мешают, а могут стать той ничтожкой, что вернет в мир живых.

Малой заворочался, зашептал какой-то вздор, махнул резко рукой да выбил из рук Аксиньи плоску с отваром. Трава намочила светло-лазоревого подол, плоска укатилась под лавку, самой знахарке хотелось лишь залезть в дальний уголок и реветь, утирая слезы рукавом.

— Молодой да крепкий. Борись с хворью, сражайся с ней, — с неожиданным гневом выговаривала она парнишке. Темные полукружья под глазами, заострившийся нос — Малому становилось хуже с каждым днем.

Берлога Потехи из захламленного жилища одинокого старика превратилась в самое оживленное место дома.

Аксинья приходила несколько раз в день с новыми снабжениями и мазями, ее знахарское сердце не могло поверить в тщетность усилий. Следом стала прибегать Нютка: Малой, почти ровесник, вызывал у нее жгучее любопытство.

— Матушка, он умрет? — спрашивала Нютка с сожалением. — Могли бы по двору бегать да играть в салки... А так и не узнаю его.

— Нюта, он стоит на границе меж жизнью и смертью, а ты про забавы думаешь! — Ребячливые слова Нюты порой раздражали Аксинью до крайности.

Нютка фыркнула и выскочила из клетки.

Дочь не желала набираться разума, житейские и знахарские секреты, что мать пыталась передать, ее не занимали. Песни, затейливые рассказы служилых, детские игры, наряды, отцова любовь — вот и весь скудный круг дочкиных дел и потешек.

— Потеха, что ж я не так делаю? — Никому, кроме доброго старика, Аксинья не смогла бы задать этот вопрос — уста бы не вымолвили такого.

— Ты, сама знаешь, умница да разумница. Ничего худого ты не делаешь, окромя того... — Потеха натолкнулся на растерянный взор Аксиньи, и последние слова утонули в его беззубом рту. — Разные вы с дочкой птицы, в этом весь сказ. Ты — мудрая да рассудительная ночная птица, меру знаешь, но когти да клюв острые, в гневе необузданна. А она у тебя — птичка утренняя, певчая, щебетать любит, по веткам порхать, от тягот бежит, да не ведает...

— Того, кто от тягот бежит, они сами найдут, — продолжила Аксинья. — Не приведи Бог. Защити дочку мою, покровительница Сусанна Солинская¹.

---

¹ Аксинья искажает имя Святой Сусанны Салернской.

— Отец ее лучше всех защитит.

Аксинья удержала при себе возражения да обиды. Мудрая ночная птица должна уметь промолчать.

— Аки... Аки!

— Что, внучок? — Потеха взял за грязную ручонку Неждана, улыбнулся ему, словно тот действительно приходился ему родней.

Неждана по указанию Строганова разместили здесь же, у старика. Аксинья пыталась возражать, спорила с Хозяином, напоминала про малый возраст мальчонки.

— Пусть с мужчинами живет, — ответствовал Строганов. Он, как всегда, мало обращал внимания на чье-то мнение.

Впрочем, мальчонка был здесь счастлив. Аксинья глядела на Неждана, вспоминала несвязные рассказы Агаши, оторопь Игната, получившего в руки нежданного сына. Зоя, жена Игната, воспитывала мальчика и тешила свою ненависть к нему. Не баловала жизнь Неждана, репейником цеплялась к нему, раздирала в кровь: не помнил он ни матери, ни отца, рос в грязи и хворях, лишь жалость Дозмора, добросердечного пермяка, и знахарки Аксиньи вернула его с того света.

— Что разговорился-то? — Аксинья погладила Неждана по круглой вихрастой голове. — Потеха, ты недавно хворал, а на тебя такое хозяйство повесили? Не утомили тебя Малой да Неждан?

— Один на лавке лежит в беспамятстве, другой бегаёт да прыгает, улыбается — вишь как! — Потеха щипал Неждана за нос, тот уворачивался, пытался дотянуться до старика, оба получали несказанное удовольствие от незатейливой игры. — Своих внуков редко вижу, так хоть они пусть радуют.

— А Малой-то очнулся! Смотри! — Аксинья опустилась на колени перед лавкой, где лежал парнишка. Темные короткие ресницы его трепетали, рука шарила по постели, словно пыталась что-то поймать.

5. Большой дом

Большой дом — большая морока.

В большом доме чего нехватишься — того нет.

Лишь сейчас Аксинья, скромная крестьянка из деревушки Еловой, поняла, что скудная изба приуменьшает хлопоты. Огромный строгановский дом вытягивал из Аксиньи и Лукаши все силы. Два полных дня посвящали они уборке трех ярусов, на кладовые да амбары сил не оставалось.

Лукаша сейчас доживала последние дни, каганька должен был скоро явиться на белый свет. Огромный живот мешал ей не то что хозяйством заниматься — ходить и сидеть. Аксинья от тяжелых работ подругу отгоняла, заставляла строгановских слуг, того же Третьяка, таскать дрова в дом, носить воду и припасы из кладовых. Но каждый вечер ощущала: сил все меньше.

Аксинья обшарила все кладовые, амбары, коих насчитала не меньше двух десятков. Сколько было здесь припасено! Лари с ячменем, овсом, рожью, пшеницей. Целые короба с сотами цветочного меда. Огорока и копченые туши, связки гусей и уток, дичи. Нити, унизанные сушеными белыми грибами, красноголовиками, лисичками. Бочки с солеными груздями, рыжиками, волнушками. Моченая брусника, вареная на меду земляника, малина, смородина, черника.

Люди ходили сюда нечасто, а четвероногие протоптали дорожку. Следы помета, шерсть, тени, прятавшиеся

под ларями, и, самое главное, следы зубов на припасах свергали Аксинью в глубокую печаль. Ей, прошедшей через голод и бескормицу, казалось настоящим преступлением так обращаться с самым необходимым на свете — пропитанием. Для избавления от пакости расставляли ловушки, развешивали смрадные травы: пижму, полынь да чернокорень. Но мыши и крысы продолжали свои разорительные походы. Лишь одна хитрость могла помочь в этой неравной борьбе, и Аксинья решила не откладывать в долгий ящик.

— Нюта, я на рынок поеду. Ты со мной? — Она не так часто оставалась теперь наедине с дочерью, скучала по их неспешным беседам, по дочкиным улыбкам и утреннему писку.

— Лучше с Малым посижу. — С той поры, как парнишка очнулся, Нютка не отходила от хворого. Они тихо разговаривали, делились секретами, словно давние друзья, но стоило кому-то из взрослых зайти в клеть, замолкали. Малой еще не вставал с постели, темные полукружья вокруг глаз, слабость, приступы головной боли напоминали о том, что парнишка чудом вырвался из цепких лап смерти.

Аксинья так и не признала хворь, что накинута на Малою. Но чудесное его выздоровление приписывала травам, уходу Потехи и неусыпному вниманию Нютки. Может, вырастет из дочки травница?

— Нютка, в ряды пойду, где перцем, гвоздикой торгуют. А как без тебя-то?

— Мамушка, за Малым и дед Потеха приглядит. — Нютка, подпрыгивая, побежала по лестнице, задирая подол сарафана выше, чем следовало. Аксинья в который раз напомнила себе, что с дочкой пора говорить о приличиях и присущей девице повадке. Сорванец, а не будущая невеста!

* * *

Третьяк, как самый бесполезный для хозяйства, был снаряжен с Аксиньей и Нюткой. Он нарочито хромал, долго усаживался на козлах, неприязненно косился на Аксинью. Она будто слышала, как повторял он не то в мыслях, не то вслух: «У, ведьма проклятая».

Впервой ли было Аксинье сталкиваться с нелюбовью да презрением? Полжизни слышала за своей спиной шепотки, проходила сквозь туман недобрых взглядов. Ее беспокоил вовсе не Третьяк, вздорный, непригожий мужик.

Сусанна, синеглазая дочка, прыгала по лесенкам, шутила, ворковала, смеялась, стала похожей на себя прежнюю. Только змеилось в ней что-то неясное, смутное, глубинное, и мать силилась вытащить за хвост эту гадюку.

— Нютка, ты отчего кручинишься? Расскажи матери.

— О, гляди, какие сани чудные, расписные.словно царские!

— Царям в наших местах делать нечего... Нютка! — Аксинья повысила голос, не вспоминая о недоброжелательных ушах возницы. — Кто обидел дочку мою?

— Мамушка, никакой обиды. Мне скучно.

Откуда в Нюте бралось это упрямство, это доводящее до бешенства желание настоять на своем? Аксинья хорошо знала свою дочку — еще бы не знать! — и чуяла: сейчас Нютка ни слова не скажет.

— К торговым рядам подъезжай, — Аксинья сказала повелительно, словно хозяйка, и на миг смутилась, а потом прогнала сомненья: — Да с северной стороны, поближе к входу.

— Будто без тебя не знаю, — огрызнулся Третьяк.

Солекамский рынок за последние годы разросся, заполнил всю торговую площадь, выпучился лавчонками на соседние улочки, в подклете каждого дома бойко продавали самый разнообразный товар. Кувшины, мечи, стремена, котелки, битая дичь, ретивые жеребцы, шелка, пряности, рыба, сено, квас, калачи... Крики торговцев сбитнем, обрывки разговоров, ругань тех, кто так и не договорился о цене, смех, довольные женские глаза.

Россия, словно израненная орлица, восстанавливала силы и крепла. Михаил Федорович Романов со всем пылом молодого горячего сердца вел страну к процветанию. Аксинья мало что разумела в делах больших, государственных — для того царь, бояре да великомудрые дьяки есть. Но даже скудного ее ума достаточно было, чтобы обозреть путь, пройденный Россией, — от тягот Смуты до нынешнего довольства.

— Слыхали, опять пятину собирают. Крохоборы!

— Все деньги с нас высосут да на помойку выкинут, — поддакивал куцему мужичонке второй, дородный, осанистый.

— Неспроста у царя беда с невестой¹. Наказанье Божье ему, все за страдания людские.

— Вот дурень. Забыл, кто до него был? Самозванцы да воры?! По рылу тебе бы заехать!

Аксинья продиралась сквозь толпу, дочь крепко сжимала ее пальцы. В торговый день на базаре всякого люда довольно. Зеваки, болтуны, скоморохи, воры, нищие запрудили площадь, пройти сквозь их плотную завесу —

---

¹ Михаил Федорович в 1616 году избрал невестой своей Марию Хлопову, дочь коломенского дворянина. Его матери выбор пришелся не по душе, и вскоре Марию объявили больной и отослали из Москвы.

как через заросли шиповника продрасться. Аксиныю ощутило толкнули, Нютке чуть не оборвали жемчужные нити на шапке, а Третьяк, что должен был облегчать их путь через людское море, куда-то запропастился.

Аксинья увидела пустую лавчонку, затащила Нютку и привалилась к дощатой стене. Ее глаза еще не успели привыкнуть к мягкой полутьме, а Нютка уже завопила:

— Мамушка, какие запахи!

Да, в этой лавчонке царил невозможно густой, ни с чем не сравнимый аромат. Аксиныя вдыхала его и ощущала на языке пряности, церковные благовония, лесные травы и нечто незнакомое, слишком душное, терпкое. На поставцах скромно стояли бутылки, скляницы, кувшинчики. Каждый из них источал особый запах.

Нютка подошла к ближайшему поставцу, прежде чем мать успела одернуть ее, взяла в руки крохотный кувшинчик, перевязанный полоской льна.

— О! Словами описать не могу!

— Глаза закрывай, вдыхай — слова придут.

— А-а-а... — Кувшин выпал из ее рук, глухо шлепнулся на земляной пол, покатился. Аксиныя и Нютка, оцепенев, глядели, как распутался лен и выпустил на волю густую жидкость.

— Я не нарочно. — Дочь подняла кувшинчик. На светлых половицах расплылось жирное пятно.

— Мы все оплатим! — крикнула Аксиныя в пустоту.

— Какая суета, не плачьте, красавицы! — Низкий голос заполнил всю лавчонку, неожиданно громкий, он казался голосом не человека — существа из сказок, да притом иноземных.

Хозяин лавки, мужчина лет сорока, оказался столь же мощным, как и его голос. Широкие плечи, огромный живот, рост под три аршина, нарядный кафтан с золотым тиснением — от него нельзя было оторвать взор.

— Сколько? — Аксинья в который раз с благодарностью подумала о Степане: теперь она могла не трястись над каждой копейкой.

— Покупай другой запах. Разлитый твоей прекрасной дочкой кувшин в подарок. Волшебное дерево сантал¹ для вашей радости. Агапка Ибрагимов к вашим услугам, госпожи. — Он поклонился удивительно ловко для грузного тела.

— Нютка, выбирай. Только будь осторожна, крепко держи в руках.

Дочке не нужно было повторять дважды: она переходила от поставца к поставцу, обнюхивала каждый кувшин. Иные кувшинчики задерживались в ее руках надолго, иные ставила на полку тотчас же, безо всякого интереса. Аксинья шла за дочкой, словно ее внимание могло уберечь дочку от неосторожного движения.

— Госпожа, смотри. Вот что тебе по душе придет. — Торговец вытащил на середину лавки скрыню², неказистую на вид. Его пальцы ловко нажали на незаметные выступы, Аксинья на миг зажмурилась, увидев содержимое скрыни.

Перед ней сияла сокровищница. Серьги и подвесы, ожерелья, кольца, браслеты всевозможных, самых прихотливых очертаний сверкали на темном бархате. Какое женское сердце смогло бы устоять!

— Смарагды³ из Индеи. Гляди: ярче весенней травы, глубже морских вод. — Толстыми пальцами он ловко вытащил из гнездышка кольцо и крутил его перед самым носом гостыи.

---

¹ С а н т а л — так называли на Руси сандал.

² С к р ы н я — небольшая шкатулка с ящичками, где хранили украшения или деньги.

³ С м а р а г д — изумруд.